КАРИНА СЕДОВА

ТРЕТЬЯ ТАРЕЛКА

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Карина Седова
Третья тарелка

https://litres.ru/74930493
SelfPub; 2026

Аннотация

В Норфенне мёртвых оформляют быстрее, чем живых. Страховой следователь Эмрик Вэйл находит в кармане погибшего экспедитора письмо с уведомлением, что его «связь закрыта в установленном порядке». Оно выписано за одиннадцать минут до несчастного случая.

Через день такой же конверт приходит самому Эмрику. Его благодарят за четыре года сотрудничества — ровно столько прошло с тех пор, как врачи назвали чудом его исцеление от опухоли, а через три часа у его девятилетней дочери остановилось сердце.

Эмрику придётся прочесть весь мелкий шрифт договора, в котором любовь имеет вес, а за чудо платит тот, кто дорог больше всего. На то, чтобы всё исправить, дают сорок суток. О процентах предупреждают очень вежливо.

Выдано Российской книжной палатой (Национальным агентством ISBN)

Издательство: СЕДОВА КАРИНА ВАЛЕРЬЕВНА. ISBN 978-5-6030661-0-3

Все права защищены. Любое копирование текста преследуется по закону.

Содержание

Часть 1. Риск 6
Глава 1. Одиннадцать минут 6
Глава 2. Улица Каменных Мостов 15
Глава 3. Чудо недели 23
Глава 4. Семь вечеров 28
Глава 5. Мука и соль 37
Глава 6. Остаточный слой 42
Глава 7. Окно доставки 48
Глава 8. Ночная смена 54
Глава 9. Экземпляр продавца 61
Конец ознакомительного фрагмента. 67

Карина Седова
Третья тарелка

Внутренний циркуляр отдела сопровождения.
Просим не накрывать лишний прибор.
Лишний прибор считается приглашением.

Часть 1. Риск

Глава 1. Одиннадцать минут

Внутренний циркуляр отдела кадров. В рамках Недели благодарности клиентам просим сотрудников улыбаться шире обычного и не называть вдов вдовами. Допустимая формулировка: "наши дорогие неожиданно одинокие партнёры".

В Норфенне мёртвых оформляли быстрее, чем живых. Живому требовались три справки, очередь и шесть недель терпения. Мёртвому хватало одной бумаги и подписи врача, который к тому времени уже думал об обеде.

Эмрик Вэйл знал это лучше других. Четырнадцать лет он проработал следователем в страховой компании "Северная взаимная" и за эти годы разучился удивляться смерти. Удивлялся он только ошибкам в документах. Ошибка в документе почти всегда означала деньги. А за деньгами стояла обычная человеческая ложь — понятная, привычная, с которой он умел работать.

В понедельник утром лифт поднял его на четырнадцатый этаж, где над стойкой висел новый плакат. Синий фон, пара улыбающихся пенсионеров и подпись "Северная взаимная. Мы рядом в самый тяжёлый день, а в остальные дни мы рядом тоже". Кто-то из маркетинга получил за это премию.

Эмрик посмотрел на пенсионеров и решил, что у мужчины лицо человека, который только что узнал размер своей выплаты и остался недоволен.

– Вэйл, – сказала секретарша Пэйлин, не поднимая головы. – Вас ждёт Фенвик. Он в хорошем настроении, так что будьте осторожны.

– Насколько хорошем?

– Он сказал "коллеги" вместо "господа". Дважды.

Начальник отдела Фенвик сидел за столом, который был больше его кабинета. Казалось, он не дорос до этого кресла, а просто занял чужое место и теперь боялся пошевелиться. Он подвинул к Эмрику тонкую папку и сложил руки так, будто собирался молиться на проценты.

– Йорген Пайк, пятьдесят два года, экспедитор. В четверг в семь сорок две утра на Двенадцатой набережной на него обрушилась стеклянная крыша автобусного навеса. Смерть на месте. Вдова подала на выплату. Сумма средняя, полис старый, ничего интересного.

– Тогда зачем я здесь?

– Потому что наш юрист прочитал приложения и перестал есть. Вот.

Фенвик достал из папки фотографию. Конверт кремового цвета, слегка помятый, с бурым пятном в углу. Полиция нашла его во внутреннем кармане пальто погибшего. Эмрик развернул прилагаемую копию письма и прочёл вслух, потому что хотел услышать, как это звучит.

– "Ордвейн и Саль. Отдел сопровождения связей. Уважаемый господин Пайк. Настоящим уведомляем, что связь, в которой вы состояли, закрыта в установленном порядке. Благодарим вас за службу и приносим извинения за возможные неудобства. Время закрытия: семь часов тридцать одна минута".

Он дочитал и некоторое время молчал.

– Одиннадцать минут, – сказал Фенвик. – Письмо выписано за одиннадцать минут до того, как на него упало стекло. Юрист считает, что кто-то хочет нажиться и подделал бумаги. Я считаю, что это опечатка. Выясните, кто из нас прав, желательно так, чтобы мы не платили.

– А если прав никто?

– Тогда, Вэйл, я не хочу об этом знать.

Дамека Рууна Эмрик нашёл там, где его всегда находили, на балконе для курящих. Дамеку было шестьдесят три. Тридцать лет он оценивал ущерб и разбирал останки чужих несчастий, и компания не увольняла его по одной причине. Все боялись, что он начнёт говорить. Он стоял, привалившись к перилам, и пил из фляжки так буднично, как другие жуют жвачку.

– Девять утра, – сказал Эмрик.

– Девять утра, а я уже трезвее, чем вчера. Прогресс, блядь. – Дамек вытер рот рукавом. – Что у тебя?

Эмрик протянул ему копию письма. Дамек читал дольше, чем требовалось, и Эмрик заметил, что фляжка замерла в

его руке на полпути.

– Закрытая связь, – произнёс Дамек. – Звучит как разговор по телефону.

– Ты слышал это выражение?

– Нет. – Он сказал это слишком быстро. – Поехали смотреть твою крышу.

Двенадцатая набережная в то утро была серой и мокрой, как язык больного. Дождь шёл не сильный и не слабый, а такой, какой идёт в городах, давно потерявших надежду на хорошую погоду. Остановка стояла на прежнем месте, но крыша с неё исчезла. Остался только искривлённый металлический остов, перетянутый красно-белой лентой, и на асфальте у скамьи лежали цветы в целлофане. Три букета, один мокрый плюшевый заяц и открытка, на которой чья-то детская рука вывела "Дядя Йорген, прости".

– Кто такой дядя Йорген для кого-то настолько маленького, чтобы писать с ошибками? – спросил Эмрик.

– Сосед. Племянник. Мало ли. – Дамек присел на корточки у основания навеса и полез в карман за увеличительным стеклом. Он носил его всегда, и никто не знал почему, ведь глаза у него были лучше, чем у большинства трезвых.

Крепёжные болты он осматривал долго. Потом щёлкнул пальцем по одному из них, и тот осыпался бурой трухой.

– Ржавчина, – сказал он. – Настоящая, старая. Лет десять никто их не менял. Ни пропилов, ни свежих сколов, ни царапин от инструмента.

– То есть это не диверсия.

– Это самое хреновое в твоём деле. Это обычная халатность. Мэрия экономила, подрядчик украл, болт сгнил, крыша упала. И человек, которому конкретно вот это должно было прилететь, в этот момент стоял под ней.

– А письмо?

– А письмо выписали за одиннадцать минут до того, как этот болт сдался. Он гнил десять лет, а они знали минуту. Вот это я объяснить не могу.

Эмрик отошёл на несколько шагов и стал смотреть на разбитую скамью. Он делал так всегда, чтобы дать месту рассказать то, что люди рассказывать не хотят. В щели между досками застряла наклейка. Рыжая лиса в красном шарфике, наполовину содранная, с отлипшим краем. Руфус, герой детского мультфильма.

У Тессы была такая же. Не на скамье, а на пенале, в рюкзаке, который стоял сейчас в запертой комнате в его квартире. Он не заходил туда четыре года.

Он подумал, что должен отвернуться, и не отвернулся. Стоял и смотрел, пока Дамек за его спиной нарочито громко возился с фляжкой, давая ему время. Это была одна из причин, по которым Эмрик с ним работал.

– Вы тут по делу или просто так мокнете? – сказали рядом.

Женщина стояла у разрушенного навеса, прислонившись плечом к опоре. Двадцать девять, может, тридцать. Тёмное короткое пальто, сигарета, рыжая прядь, выбившаяся из-под

капюшона. Она стояла прямо под остатками металлической рамы, которая раскачивалась на ветру и поскрипывала, готовая рухнуть в любую минуту.

– Отойдите оттуда, – сказал Эмрик. – Конструкция нестабильна.

– Да мне можно, – ответила она и улыбнулась так, словно только что рассказала хорошую шутку и ждала, когда до него дойдёт. – Я тут каждый день стою. Люблю места, где людям уже не повезло. Там спокойно. Второй раз туда не бьют.

– Это не так работает.

– Правда? – Она выпустила дым и посмотрела на раму над собой. – А я думала, как раз так.

Она докурила, кинула окурок в лужу и пошла вдоль набережной, не оглядываясь. Рама над тем местом, где она стояла, скрипнула и осталась на месте. Дамек, который всё это время молчал, проговорил очень тихо:

– Ты видел, как она на неё посмотрела.

– Как?

– Как на старого знакомого.

Домой Эмрик вернулся поздно. Квартира на пятом этаже встретила его тишиной, которую он давно научился не замечать, как не замечают гул холодильника. Коридор, кухня, гостиная, спальня, ванная. И дверь в конце, обычная белая дверь с детской наклейкой на уровне колена, которую он не отдирал. Он прошёл мимо неё так, как проходят мимо человека, которого сильно любили и с которым больше не здороваются.

Лирена ушла два года назад. Не со скандалом, а тихо, как уходят из помещения, где закончился воздух. На прощание она сказала, что не может жить в доме, где он делает вид, будто ничего не произошло, а он ответил, что ничего и не произошло, и это был самый честный и самый чудовищный разговор в его жизни.

В почтовом ящике лежал один конверт. Кремовый, плотный, без марки. Эмрик стоял в подъезде под лампочкой, которая мигала с частотой плохого пульса, и разглядывал обратный адрес. Улица Каменных Мостов, девять. Ордвейн и Саль.

Внутри был один листок. Он прочёл его стоя.

"Уважаемый господин Вэйл. Благодарим вас за четыре года сотрудничества. Ваш договор остаётся в силе. Никаких действий с вашей стороны не требуется. С уважением, отдел сопровождения".

Он перечитал это три раза и каждый раз находил в этом

тексте всё меньше смысла и всё больше ледяной вежливости. Никакого договора он не заключал. Ни с какой такой компанией. Ошибка в документе, подумал он. Рассылка, перепутанный адресат, совпадение фамилий, мало ли что бывает.

Ошибка в документе значила деньги. Деньги значили ложь. Он повторил это про себя как заклинание и не поверил ни единому слову.

Он сунул конверт в ящик кухонного стола, под консервный нож и старые гарантийные талоны, и закрыл ящик. За стеной у соседей заплакал ребёнок, и плач был тонкий, высокий, совсем не похожий на голос Тессы. Он всё равно простоял на кухне до глубокой ночи.

Глава 2. Улица Каменных Мостов

Внутренний циркуляр отдела кадров. В связи с жалобами просим не использовать в переписке с клиентами слова "смертельный", "летальный" и "окончательный". Допустимые замены: "финальный", "завершающий" и "исчерпывающий".

Улица Каменных Мостов находилась в той части Норфенна, где город давно перестал притворяться, будто у него есть будущее. Узкие дома стояли плечом к плечу, как люди в очереди за милостыней, и на каждом третьем висела табличка "Сдаётся". Девятый номер выделялся своей опрятностью. Свежая краска, начищенная медная ручка, цветы в горшках на окнах. Всё это выглядело подозрительно, как улыбка у человека на похоронах.

– Я останусь в машине, – сказал Дамек.

– Тебя никто не просил идти со мной, но ты сам ехал.

– Ехал, потому что одного тебя пускать нельзя. А заходить не буду.

Эмрик посмотрел на него. Руки у Дамека лежали на коленях, и пальцы мелко дрожали. Это была не похмельная дрожь, он знал ту хорошо. Эта была другой, как у человека, у которого в животе что-то оборвалось.

– Дамек.

– Иди. – Тот отвернулся к окну. – Просто иди, ладно? И

не пей у них чай.

Внутри пахло лавандой и свежей бумагой. Приёмная была маленькой, с мягкими креслами, аквариумом, где плавала одна жирная золотая рыба, и стойкой, за которой сидела девушка с аккуратным пучком и бейджем "Нивен". На стене висел плакат в тон обоям. Серые буквы по кремовому фону, никаких людей. "Мы ценим ваше время. Особенно остаток".

– Добрый день, господин Вэйл, – сказала Нивен и улыбнулась так, как улыбаются те, кого научили не показывать зубов. – Вам чай или кофе?

Он не представился. Он стоял в дверях ровно три секунды.

– Мы знакомы?

– Вы записаны на одиннадцать, – сказала она. – Господин Брайд вас ждёт. Он очень рад, что вы наконец зашли.

– Я не записывался.

– Мы записали вас четыре года назад, – ответила Нивен с тем же мягким выражением лица. – Просто ждали, когда вам станет удобно.

Кабинет Хоссена Брайда оказался просторнее, чем можно было ожидать от конторы на такой улице, и совсем не страшным. Тёплое дерево, зелёная лампа, книги в кожаных переплётах, на подоконнике три фиалки. Сам Брайд поднялся навстречу, высокий худой человек лет шестидесяти, с серебряными висками и лицом хорошего семейного врача. Он пожал руку так, что рукопожатие длилось ровно столько, сколько

нужно, чтобы показаться искренним.

– Садитесь, пожалуйста. Вы пришли по поводу Пайка, я угадал?

– Откуда вы знаете?

– Вдова приложила наше письмо к заявлению. Мы получили копию. Такие вещи у нас отслеживаются. – Он сел напротив и сложил ладони домиком. – Я должен принести извинения. Это было неаккуратно с нашей стороны. Такие письма не должны попадать в чужие руки.

Эмрик сел и достал блокнот. Он делал так всегда, чтобы дать рукам занятие, пока голова работает.

– Чем вы занимаетесь, господин Брайд?

– Мы страховой посредник малых обязательств. Работаем с частными клиентами, ведём то, что в актуарной практике называется перераспределением остаточных рисков. Если по-простому, мы помогаем людям снять с себя то, с чем они не хотят жить.

– Звучит как психотерапия.

– Многие клиенты говорят то же самое. – Брайд улыбнулся одними губами. – Только у нас результат документально подтверждён.

– А "связь"? В письме Пайка говорилось о закрытой связи.

– Это профессиональный термин. Обязательство, которое существует между двумя лицами. Долг, например. Или родство. Мы называем это связью, потому что слово "обязательство" звучит слишком юридически. – Он помолчал. – Госпо-

дин Пайк состоял в связи с одним из наших клиентов. Эта связь была закрыта. Больше я не вправе вам рассказывать, это вопрос конфиденциальности.

– Человека убило стеклом через одиннадцать минут после того, как ему вручили ваше письмо.

– Об этом я не вправе говорить, – мягко сказал Брайд. – Скажу лишь, что люди склонны искать умысел там, где им так удобнее.

Он говорил спокойно, как человек, который много раз произносил эти слова и отполировал каждое до блеска. Эмрик слушал и ловил себя на странном ощущении. Ему было удобно. Кресло подходило по росту, лампа светила под нужным углом, голос Брайда укачивал, как голос санитара, который знает, что боль всё равно придёт, но не сейчас.

– Могу я увидеть ваш договор с этим клиентом?

– К сожалению, нет. – Брайд развёл руками. – Но я могу предложить кое-что другое. Вы получили наше письмо. Нет, не беспокойтесь, я ничего не читаю в чужой почте, просто у нас такой регламент. Раз в год мы напоминаем клиентам о действующих договорах.

Эмрик не двинулся. Только блокнот в его руке стал чуть тяжелее.

– Я ни с кем ничего не подписывал.

– Вы так считаете, и это нормально. Многие клиенты считают так же. – Брайд поднялся и подошёл к окну, поправил фиалку на подоконнике и обернулся. – Господин Вэйл, вы

один из лучших следователей в городе. Я много читал ваши заключения. Вы аккуратны, внимательны и, что редко, добры к тем, о ком пишете. Мне бы хотелось, чтобы мы работали вместе. Не сегодня и не завтра. Но когда вы будете готовы.

– Я не буду готов.

– Конечно, – сказал Брайд. – Все так говорят.

Он проводил его до двери и снова пожал руку, на этот раз чуть дольше. Рука у него была тёплая, сухая, а в самой глубине ладони Эмрик почувствовал что-то, чего не мог назвать. Не силу и не холод. Скорее глухое, тягучее терпение человека, который никуда не торопится и привык ждать годами.

– Передайте привет Дамеку, – добавил Брайд на прощание.

Эмрик остановился на пороге.

– Я не говорил, что он со мной.

– Не говорили, – согласился Брайд. – Но он ведь всегда с вами.

Дверь закрылась мягко, без щелчка.

Дамек сидел в машине, прижав обе ладони к рулю, словно машина собиралась уехать без него. Он не повернул головы, когда Эмрик сел рядом. Они молчали, пока дождь стучал по крыше размеренно, как секретарша печатает отчёт.

– Он знал, что ты тут, – сказал Эмрик.

– Он всегда знает.

– Откуда?

Дамек молчал. Потом достал фляжку, открыл, посмотрел внутрь и закрутил крышку обратно, не сделав ни одного глотка. Эмрик ни разу за шесть лет совместной работы не видел, чтобы он так поступал.

– Я был здесь, – проговорил наконец Дамек. – Давно. Очень давно. Мне тогда было тридцать три, и я думал, что

умный.

– Что ты у них подписал?

– Не знаю. – Он повернул ключ зажигания. Руки по-прежнему дрожали. – В этом всё и дело, Эмрик. Я не знаю. Я помню только, как вышел отсюда и пил три недели подряд. А когда очнулся, у меня была жена, которая не разговаривала со мной, сын, который не смотрел в глаза, и странное чувство, будто я должен кому-то очень много, и этот кто-то уже заплатил.

Он вырулил на дорогу. Дворники скребли по стеклу, смахивая воду, которая тут же набегала снова. Эмрик сидел неподвижно, и впервые за много лет ему захотелось, чтобы дверь, которую он не открывал, оказалась не заперта изнутри, а вообще никогда не существовала.

– Поехали обратно, – сказал он. – Мне нужно посмотреть одну вещь дома.

– Какую?

– Ящик на кухне. Там лежит письмо, и я хочу проверить, что оно всё ещё там.

- Никуда оно не денется, – буркнул Дамек. – Эти бумажки не теряются. Будет лежать, пока не достанешь.

Глава 3. Чудо недели

Внутренний циркуляр отдела кадров. Просим сотрудников архива возвращать папки на места даже в том случае, если папка вам кажется несчастной.

Архив "Северной взаимной" располагался в подвале, и это было единственное честное решение за всю историю компании. Мёртвые дела должны лежать под землёй. Наверху, на шестом этаже, в это время шла Неделя благодарности клиентам, и сквозь бетон доносился глухой, раскатистый звук, похожий на землетрясение. Это пел караоке начальник отдела Фенвик.

– Он поёт про любовь, – сказала Пэйлин. – Слов не разобрать, но я узнаю мотив. Это про любовь, которая вернулась. Он всегда выбирает эту песню, потому что жена от него не возвращается уже девять лет.

Она стояла у стола в своём сером кардигане, с чашкой чая в одной руке и тяжёлой папкой в другой. Эмрик не просил её о помощи. Она пришла сама, в восемь вечера, когда этаж опустел, и сказала, что ей всё равно нечего делать дома, а кошка переживёт один вечер без неё. Он подозревал, что кошки у неё нет.

Искали по трём признакам. Конверт кремового цвета в приложениях к делу. Упоминание курьера, который вручил письмо лично. И заявление о выплате, поданное родствен-

никами, которые в графе "прочие документы" честно указали то, что нашли в карманах погибших. К полуночи на столе лежали одиннадцать папок.

Одиннадцать смертей за двадцать шесть месяцев. Бренна Йост, семьдесят один год, упала с лестницы в собственном подъезде. Мартин Остер, двадцать восемь, поражён током при починке розетки. Саул Квинт, сорок четыре, подавился куском мяса в ресторане, где его никто не смог спасти, потому что единственный врач в зале как раз вышел позвонить. Алис Дорнхейм, тридцать четыре, учительница, перебегавшая дорогу на зелёный. Ещё семеро, и каждый случай, взятый отдельно, был пустяком, статистикой, полтора абзаца в полицейской сводке. Вместе они складывались в нечто, от чего у Эмрика сводило челюсть.

– Ни в одном нет подозрительных обстоятельств, – сказал он. – Ни одного криминала.

– Это и странно, – ответила Пэйлин. – Люди умирают по глупости каждый день. Но редко бывает так, что глупость раз за разом выбирает тех, у кого в кармане лежит письмо.

– Вы тоже заметили.

– Я секретарь, господин Вэйл. Мы видим всё, просто не лезем с вопросами — этому учат в первый же день.

Она поставила чашку, вытащила из сумки свёрнутую газету и положила её поверх папок. Это был "Вестник Норфенна", тот самый разворот, который все пролистывали, не читая. В нижнем углу стояла рубрика "Чудо недели", где

городские журналисты собирали истории о людях, которым неожиданно повезло. Эмрик знал её хорошо. Раньше он сам любил её читать по утрам, потому что хорошие новости были редкими и от них становилось немного теплее.

– Это моя подшивка, – сказала Пэйлин. – Муж вырезал из этой рубрики одну-единственную заметку и через два дня умер. А я зачем-то продолжила. Он успел сказать, что чудеса надо хранить, потому что они быстро портятся. Я вчера сложила даты ваших дел и свела с этой колонкой.

Эмрик взял газету. Пэйлин подчеркнула красным несколько заметок, и он начал читать, всё медленнее, всё тише.

В день, когда Бренна Йост упала с лестницы, судовладелец Каспар Ольден, пятидесяти девяти лет, получил результаты анализов. Опухоль, по которой врачи давали ему полгода, бесследно исчезла. В день, когда ударило током Мартина Остера, какой-то банкир чудом остался жив после крушения лёгкого самолёта, единственный из шести пассажиров. Квинт, которого не спас врач, вышедший на звонок, умер в тот же вечер, когда в соседнем районе из комы вышла женщина, три года пролежавшая без сознания, жена влиятельного адвоката. Алис Дорнхейм погибла в утро, когда некий депутат вылез из горящей машины с одной царапиной на лбу.

Одиннадцать смертей. Одиннадцать чудес. Рядом, в одном городе, в одни и те же сутки.

– Вот, – сказала Пэйлин и тронула пальцем последнюю

заметку. – Четверг. Пайк. И в тот же день рейс на побережье, где отказал двигатель, и все, кроме одного человека, который опоздал на посадку, потому что у него случился приступ. Он выжил, а все остальные нет. Его зовут Эрвин Лас. Ему повезло.

– Там не должно было быть никакого приступа, – проговорил Эмрик. – Он должен был лететь.

– Простите?

– Ничего. – Он потёр лицо. – Думаю вслух.

Он действительно думал вслух, но думал о другом. В голове у него что-то медленно поворачивалось, как тяжёлая дверь на ржавых петлях, и он изо всех сил удерживал её плечом. Чудо. Чудо в одной стороне города и несчастье в другой. Он видел этот рисунок раньше. Не в архиве, не в газете. Видел его собственными глазами, в белом больничном коридоре, четыре года назад.

Там был врач с усталым лицом, который держал в руках снимки и не мог поверить в то, что видит. Лирена, стоящая рядом и сжимающая его локоть так, что на коже остались синяки. Слова "вы здоровы", и затем её смех, неуклюжий, вперемешку со слезами, смех человека, которому вернули жизнь, и поцелуй в коридоре на глазах у санитаров. Он тогда подумал, что бывает такое счастье, которое страшно держать в руках.

А потом, через три часа, позвонила школа.

– Господин Вэйл? – Пэйлин смотрела на него с тревогой.

– Вы очень бледный.

– Всё нормально. Это совпадение.

Он произнёс это вслух, и слово прозвучало мертво, как монета, брошенная в пустой колодец. Он собрал папки, сложил их стопкой и аккуратно выровнял края. Это было полезное движение, оно давало рукам работу.

Наверху Фенвик допел песню, и зал зааплодировал. Сквозь потолок донёсся его голос, усиленный микрофоном и мокрый от умиления.

– Друзья, коллеги, мои дорогие! Давайте выпьем за тех, кого мы застраховали! И за тех, кого пока нет!

Эмрик стоял над столом, на котором лежали одиннадцать судеб и одна газета, и думал о том, что слово "пока" в этой фразе было самым честным из всех, что он слышал за неделю.

Глава 4. Семь вечеров

Внутренний циркуляр отдела кадров. Просим не называть клиентов "жертвами" даже в личных беседах. Клиенты не жертвы. Клиенты – это люди, которым пока не удалось воспользоваться нашими услугами в полном объёме.

Закусочная "Семь вечеров" стояла в двух кварталах от Двенадцатой набережной и работала круглосуточно. Говорили, что хозяин когда-то потерял сына и с тех пор не закрывал заведение, на случай если мальчик вернётся и захочет есть. Он никогда не подтверждал и не опровергал эту легенду. Жарил яичницу, наливал кофе и позволял людям сидеть сколько им нужно.

Эмрик вошёл сюда после полуночи, потому что больше идти было некуда, а в квартире с запертой комнатой становилось невозможно дышать. Он заказал чёрный кофе, сел у окна и увидел её через стекло. Она стояла на остановке, под тем же искорёженным остовом, и курила.

Он вышел на улицу, не раздумывая. Дождь прекратился, и асфальт блестел, как лезвие.

– Опять вы, – сказала она, не оборачиваясь. – Следователь. Я так и думала, что вернётесь.

– Вы стоите там же, где стояли утром.

– Привычка. – Она наконец повернула голову. Лицо у неё было узкое, живое, с круглой веснушчатой переносицей и

глазами цвета мокрого асфальта. – Ивара Кесс. Диспетчер скорой помощи, ночная смена. Сегодня у меня выходной, поэтому я отдыхаю самым вредным способом из возможных.

– Эмрик Вэйл.

– Знаю. – Она улыбнулась. – Ваша фамилия есть в одной папке, но об этом чуть позже. Вы хотите кофе? Я хочу пирог. Не знаю почему, но вы выглядите как человек, которому нужен сахар.

В закусочной они сели в углу, под лампой, которая гудела, как шмель. Ивара заказала яблочный пирог, два куска, и пододвинула один Эмрику, не спрашивая. Он взял вилку. Пирог оказался тёплым, с корицей, и от этого запаха что-то странное шевельнулось под рёбрами. Он не ел сладкого четыре года.

– Расскажите, как вы стоите под падающими конструкциями, – сказал он.

– Это долгая история.

– Ночь тоже долгая.

Она вздохнула и принялась загибать пальцы, один за другим, с деловитой лёгкостью, с какой люди перечисляют покупки в магазине.

– Трамвай, это раз. Мне было двадцать шесть, он сошёл с рельсов в сорока сантиметрах от меня и снёс витрину. Балкон на третьем этаже, это два. Я стояла на нём, а перила просто отвалились, и я улетела вниз прямо в кузов грузовика с матрасами. Мои любимые матрасы, кстати, были ортопеди-

ческие. Электричество в ванной, это три. Тут я даже не знаю, как выжила, меня тряхнуло так, что волосы стояли дыбом три дня. И ложка.

– Ложка?

– Я ела суп, и мне в горло попала ложка. Целиком. Не спрашивайте, я сама не понимаю. – Она вдруг засмеялась, звонко и удивительно искренне, и Эмрик заметил, что смеётся вместе с ней. Он не помнил, когда делал это в последний раз. – Вы видели бы лицо врача. Он вынул ложку и спросил, не фокусница ли я.

– А вы?

– Я просто та, кого всё время пытаются убить и всё время не получается.

Смех угас, как свеча на сквозняке. Ивара отодвинула тарелку и достала из внутреннего кармана пальто помятый кремовый конверт. Эмрик узнал бумагу, и пальцы его похолодели.

– Прочтите.

"Уважаемая госпожа Кесс. Сообщаем, что связь, в которой вы состоите, находится в обработке. Задержка вызвана техническими причинами. Просим вас сохранять спокойствие. Ваше терпение ценно для нас. Отдел сопровождения".

Он перечитал письмо дважды. Снизу стояла дата, три года назад.

– Я ходила к ним, – сказала Ивара. – Один раз, в прошлом году. Мне там улыбались, поили чаем, объяснили, что всё в

порядке и волноваться не о чем. Я задала вопрос про обработку. Мне ответили, что у них есть очередь, и я в ней. Знаете, что я поняла? Это как посылка, которую не могут доставить. Кто-то отправил мне что-то, а адрес оказался неточным, и она с тех пор болтается по складам и всё время пытается найти дверь.

– Что отправил?

– Свою смерть. – Она произнесла это так спокойно, как называют вес пакета на почте. – Кто-то, кого я люблю или кому я должна, продал её, и она предназначалась мне. Но что-то в схеме сломалось, связь у меня слабая или что-то в этом духе, и теперь она кружит вокруг и не может приземлиться. Поэтому вся эта дрянь и промахивается на пару сантиметров. Будто ходит следом, тычется, тычется в дверь, а войти не может.

Эмрик молчал. Мозг его делал привычную работу, раскладывал факты по полкам, а сердце тем временем падало куда-то вниз по длинной тёмной шахте.

– Вы знаете, кто продал?

– Нет. И не хочу знать. – Она взяла вилку и принялась ковырять пирог. – Если я узнаю, мне придётся его возненавидеть, а я не умею ненавидеть людей, которые меня любили. У меня есть брат. Есть мать. Есть пара подруг. Кто-то из них сделал это ради себя или ради кого-то ещё, и я, наверное, поняла бы его, если бы знала причину. Вот это самое мерзкое. Я бы поняла.

В закусочной было тихо. Хозяин за стойкой вытирал стаканы, не глядя на них, и телевизор над его головой показывал беззвучный повтор вечерних новостей. Диктор улыбался. Внизу экрана ползла строка "Чудо недели. Судовладелец Каспар Ольден отмечает год со дня исцеления".

Эмрик достал из кармана пальто маленький бумажный кусочек и положил на стол. Наклейка с рыжей лисой, та самая, что застряла в щели скамьи. Он снял её незаметно для Дамека, не отдавая себе отчёта в том, что делает.

– У меня была дочь, – сказал он.

Он не собирался этого говорить. Слова вышли сами, как выходит воздух из пробитой шины, и их было уже не остановить.

– Её звали Тесса. Ей было девять. Она любила лис, потому что считала, что они хитрее людей. У неё была привычка складывать всё в карманы, камни, пуговицы, обёртки от конфет, и Лирена, моя жена, каждый вечер вытряхивала её куртку над раковиной. В последнее утро она положила в карман половинку яблока. Я потом нашёл её, когда стирал куртку. – Он остановился. – Четыре года. Она умерла в школе, на уроке рисования, сердце. Никто так и не понял почему. У девятилетних детей не останавливается сердце.

Ивара не сказала, что ей жаль. Она протянула руку через стол и положила её сверху на его ладонь, тёплая, сухая, чуть шершавая от курения и ночных смен. Эмрик почувствовал, что в горле у него что-то рвётся, и в этот миг понял, что пла-

чет. Тихо, без звука, как плачут люди, которые разучились делать это громко.

– Вы никогда не ходили в её комнату, – сказала Ивара.

Он вскинул голову.

– Откуда вы знаете?

– Потому что я сама не захожу в комнату, где живёт то, чего я боюсь. У меня это ванная. Я моюсь в раковине уже полгода. – Она пожала плечами. – Мы с вами похожи. Каждый стережёт свою дверь.

Они сидели так, пока хозяин не подошёл долить кофе, не сказав ни слова. Потом Ивара встала, надела пальто и вдруг остановилась у стола.

– Господин Вэйл. Я должна вам кое-что сказать, и мне не нравится, как это прозвучит.

– Говорите.

– Когда я ходила в их контору, Нивен вышла в туалет, а я осталась одна у стойки. Там лежала папка. Открытая, на самом виду, будто специально. Список клиентов с датами. Колонка с названием "Премия внесена". – Она запнулась. – Там была ваша фамилия. Вэйл Э. Четыре года назад, март.

Эмрик не дышал.

– Рядом стояла сумма, – тихо продолжала она. – И слово "закрыто".

Она вышла, не попрощавшись, и он смотрел сквозь стекло, как она шагает по пустой улице — сунув руки в карманы, нагло и спокойно, словно точно знала, что город её не тронет. Из-за угла вылетел грузовик, тяжёлый, с зажжённы-

ми фарами, и прошёл в полуметре от неё, обдав её ветром. Она остановилась, обернулась и подняла вверх два пальца в нелепом приветственном жесте.

Эмрик сидел в закусочной и смотрел на крошечную наклейку с лисой на столе. Лиса смотрела на него хитрыми нарисованными глазами и, казалось, знала всё, что он пока не хотел знать.

Глава 5. Мука и соль

Внутренний циркуляр отдела кадров. Напоминаем, что личные трагедии не служат основанием для опоздания на утреннюю планёрку. Исключение составляют собственные похороны при условии согласования за неделю.

Лирена жила на другом краю города, в районе Нижние Мельницы, где река делала петлю и воняла дрожжами и мокрым железом. Квартира над аптекой, три ступеньки крыльца, дверь с облупившейся синей краской. Эмрик простоял перед ней десять минут. Он знал, что она работает в пекарне до обеда, и знал, что в четверг у неё выходной. Он знал это, потому что в прошлом году один раз позвонил, услышал её голос и повесил трубку.

Дверь открылась до того, как он постучал.

– Ты стоишь там уже давно, – сказала Лирена. – Я видела из окна. Заходи, пока соседи не вызвали полицию.

Она почти не изменилась, и от этого было хуже, чем если бы изменилась. Тот же прямой взгляд, те же тёмные волосы, подколотые карандашом, пальцы в муке. Только вокруг глаз появились тонкие линии, которых он не знал, как будто за два года, прожитых порознь, она прожила ещё десять.

В кухне пахло ванилью. Она налила чаю, поставила перед ним тарелку с булочкой, села напротив и сложила руки на столе. Прежде чем он успел начать, она сказала:

– Ты пришёл не просто так.

– Мне нужно спросить о том марте.

Лирена закрыла глаза, ненадолго, как человек, который готовится нырнуть на глубину.

– Спрашивай.

– За неделю до того, как меня вызвали на обследование. Что я делал? Куда ходил?

– Ты ведь знаешь, что ты тогда болел. – Она открыла глаза. – У тебя были боли, ты худел, кашлял. Врач сказал, что дело плохо. Ты помнишь?

– Помню диагноз. Помню, как мы вернулись домой и ты плакала на кухне. Помню, что я сказал тебе, что всё будет в порядке, хотя сам в это не верил.

– А потом? – спросила она тихо.

– Потом ничего. Потом снимки, и чудо.

– Вот именно. Потом ты исчез на два дня. Сказал, что едешь к знакомому специалисту. Вернулся в четверг вечером спокойный. Я никогда не видела тебя таким. Ты пил сладкий чай, хотя всегда пил без сахара, и смотрел на Тессу так, будто хотел запомнить. Я подумала, что ты смирился. Я так испугалась, Эмрик. Я решила, что ты прощаешься.

Он сидел неподвижно. Горячая чашка жгла ладони, но он не отпускал её.

– Я ничего этого не помню.

– Я знаю. – Лирена встала, подошла к шкафу, достала с верхней полки картонную коробку из-под обуви. – Я поняла

это уже тогда, на похоронах. Ты стоял у гроба с таким растерянным лицом, будто у тебя что-то украли, а ты никак не можешь вспомнить, что именно.

Она поставила коробку на стол и вынула из неё конверт. Кремовый, чуть пожелтевший от времени, знакомый до тошноты.

– Это пришло на следующий день после похорон. На моё имя. Ты в тот день был в участке, давал показания про школу. Я прочитала и спрятала.

Эмрик развернул листок. "Уважаемая госпожа Вэйл. Связь, в которой вы состояли, закрыта в установленном порядке. Благодарим вас за службу и приносим искренние соболезнования. Отдел сопровождения".

Тот же шрифт. Те же слова. И слово "соболезнования", которого не было в письме Пайка, потому что Пайку соболезновать было некому.

– Четыре года, – сказал он. – Почему ты мне не показала?

– Потому что я думала, что это страховая издевается. Какой-то ублюдок из бухгалтерии шлёт открытки родителям умерших детей. – Её голос дрогнул. – А потом, через полгода, я начала думать иначе. Я тысячу раз хотела тебя спросить. Но если бы ты сказал "да", что бы я делала с этим "да"? Куда бы я его положила?

Она замолчала. Эмрик хотел потянуться к ней, но руки не слушались.

– Лирена, я не помню. Клянусь. Если я что-то сделал, то

не помню.

– Ты всегда был плохим лжецом, – ответила она и слабо улыбнулась. – Поэтому я верю. И от этого мне ещё страшнее.

Они посидели молча. За окном по реке прошла баржа, гудя на всю округу. В коробке на дне лежали и другие вещи, и Лирена достала их по одной. Резинка для волос с бусинкой. Бумажный журавлик с отогнутым крылом. Тетрадь по рисованию в зелёной обложке.

– Вот это, – сказала она. – Я нашла после. Посмотри на последнюю страницу.

Он открыл тетрадь. Детский рисунок цветными карандашами. Стол, три фигурки, большая, поменьше и совсем маленькая, все с одинаковыми круглыми улыбками. Над ними жёлтое солнце, подпись корявыми буквами "Мама, папа и я". А в левом углу, на самом краю листа, стояла ещё одна фигурка. Высокая, вытянутая, в сером пальто и серой шляпе. Она была нарисована карандашом попроще, как будто девочка не знала, куда её деть. Рядом стояла подпись, и Эмрик с трудом разобрал её.

"Дядя, который смотрел".

– Она показала мне это за неделю до, – тихо сказала Лирена. – Я спросила, кто это. Тесса ответила, что дядя приходил к нам домой, когда мы были на кухне. Стоял в коридоре и смотрел, как мы с тобой смеёмся. Потом ушёл. Я решила, что это воображаемый друг. Дети придумывают.

– Какого роста?

– Высокого. Худого. – Лирена смотрела на него в упор. – Тесса сказала, что у него были добрые глаза и что от него пахло фиалками.

На подоконнике кабинета Хоссена Брайда стояли три фиалки. Эмрик помнил, как тот поправил одну из них перед тем, как сказать "Передайте привет Дамеку".

Он закрыл тетрадь. Ладони его были совершенно сухими, а перед глазами всё плыло, как в горячке.

– Ты можешь оставить это у себя, – сказала Лирена. – Мне тяжело, но я прожила с этим четыре года и проживу ещё. А тебе, кажется, нужнее.

Он встал, и она встала тоже. Они постояли в тесной кухне, глядя друг на друга. Он хотел сказать, что любил её и что любит до сих пор, что виноват, не зная в чём. Вместо этого он сказал только:

– Прости.

– За что? – спросила Лирена.

– Не знаю, – ответил он. – Пока не знаю.

Она подалась вперёд и поцеловала его в щёку, быстро, сухо, как целуют покойника. Когда он вышел на крыльцо, пошёл дождь. Он стоял под козырьком, прижимая к груди тетрадь, и впервые за четыре года понимал, что не просто потерял дочь. Он, возможно, с чем-то расстался.

Глава 6. Остаточный слой

Внутренний циркуляр отдела кадров. Руководство напоминает, что договор перестрахования является коммерческой тайной. Сотрудники, разгласившие содержание договора, будут застрахованы от последствий разглашения в рамках корпоративной программы лояльности.

Утром Фенвик встретил его у лифта. Он держал в руках картонный стаканчик с кофе, и вид у него был такой, словно он уже несколько часов репетировал эту встречу перед зеркалом.

– Эмрик, дорогой! Как хорошо, что вы пришли пораньше. Заходите, заходите.

В кабинете он закрыл дверь, чего никогда не делал, сел за свой огромный стол и сцепил пальцы.

– Дело Пайка закрыто. Выплата одобрена сегодня утром. Юрист признал, что письмо было ошибкой курьерской службы, а вдова получит свои деньги. Я рад, что мы не тратили на это лишних ресурсов.

– Закрыто кем?

– Мной. Вернее, согласовано. – Фенвик улыбнулся. – Мне позвонили сверху. Очень вежливо. Просили не придавать значения.

– Кто позвонил?

– Эмрик. – Голос Фенвика мягко упал. – Вы взрослый че-

ловек. Вам нужно съездить в отпуск. У вас накопилось двадцать три дня, и вы не брали их три года. Я оформил приказ.

– Кто позвонил, Гарретт?

Фенвик посмотрел на кофе. Потом на дверь. Потом на Эмрика, и в его глазах мелькнуло что-то странно человеческое, почти жалость.

– Ордвейн и Саль. Они наши перестраховщики. С основания компании, дорогой мой. Ещё с моего прадеда.

Эмрик не сразу понял, что слышит.

– Что?

– Договор перестрахования. Он лежит в хранилище на минус втором этаже, в зелёной папке, под ключом. Никто его не читает, потому что там нечего читать. Они покрывают то, что мы не можем покрыть сами. Остаточные риски. Так положено. В любой серьёзной компании города есть такой договор, и у всех один и тот же партнёр. – Он пожал плечами. – Что тут особенного?

Минус второй этаж пах сыростью и пылью, как давно закрытый склеп. Дамек шёл рядом, нетвёрдо, но молча. Ключ они взяли у охранника, пожилого человека с одним глазом, которому Эмрик сказал, что идёт за документами для суда. Охранник даже не спросил, для какого.

Зелёная папка лежала на нижней полке, придавленная двумя другими. Эмрик вытащил её, стёр пыль рукавом. Бумага внутри пожелтела, чернила выцвели до цвета ржавчины. На первом листе стояла дата, сто сорок лет назад, и

название: "Договор о перестраховании остаточных рисков". Подписи двух людей, один из которых был Ордвейн, а другой Саль, и оба писали так, будто каждая буква стоила им года жизни.

Эмрик читал вслух, медленно, не доверяя собственным глазам.

– "Страховщик покрывает риск смерти в пределах первичного полиса. Любой остаточный риск, не покрытый первичным полисом, а также риск, который не может быть иным образом урегулирован, переходит к Перестраховщику без ограничения срока и суммы". – Он поднял голову. – Дамек, что такое остаточный риск смерти?

– Это то, что остаётся, когда деньги уже заплатили, – хрипло сказал Дамек. – Сама смерть.

– Но смерть нельзя застраховать.

– Именно. Зато можно переложить её на кого-то другого.

Он взял папку у Эмрика, пролистал несколько страниц и вдруг закашлялся. Кашель был сухой, надсадный, долгий, кашель человека, у которого тридцать лет что-то стояло поперёк горла и только сейчас сдвинулось с места.

– Господи, Эмрик. Ты понимаешь? Каждая страховка в городе это лестница. Мы с тобой стоим на первых ступеньках, платим, выплачиваем, пишем отчёты. А наверху, на последней, сидит один и тот же парень с фиалками. Любая смерть в этом городе проходит через него. Любая. Он просто... – Дамек вытер глаза. – Мать твою. Он просто перестраховщик.

– Все наши клиенты...

– Все. Включая твою дочь. Включая меня. Включая этих пенсионеров с плаката.

Они стояли в тусклом свете голой лампочки, и вокруг них тянулись ряды бумаг, где каждый лист был чьей-то смертью, оформленной, подшитой и положенной на полку. Эмрик не мог вымолвить ни слова. Дамек отвернулся и стал рыться в карманах, пока не нашёл фляжку. На этот раз он выпил.

– Расскажи, – сказал Эмрик.

– Что?

– Что ты подписал тогда. Какой был у тебя повод.

Дамек долго молчал. Потом сел на пустой ящик у стены, поставил фляжку между колен и заговорил так, будто диктовал показания.

– Мне было тридцать три. У меня нашли цирроз, на последней стадии. Врач сказал, что остался год, может, полтора. Я не боялся, Эмрик. Я пил столько лет, что смерть была логичным итогом. Но сын тогда только пошёл в первый класс, а жена болела, и я думал, кто о них позаботится. – Он усмехнулся. – И вот однажды ночью я пошёл по Каменным Мостам, потому что кто-то на работе шепнул мне адрес. Не помню кто. Помню, что поверил.

– А потом?

– Потом я три недели пил, не просыхая. Где-то в середине мне звонили, кричали в трубку, а я не разобрал ни слова. Когда очнулся, трезвый, как стёклышко, пошёл на обследо-

вание. Печень была как у двадцатилетнего. Врач сказал, что такого в его практике не случалось. Я плакал в кабинете, как ребёнок. А дома меня ждала жена в чёрном платке. Хьюго попал под автобус на четвёртый день после того, как я вышел с Каменных Мостов. Я его даже не похоронил. Я в тот день лежал под столом. Хьюго. Он был на два года младше. Он был лучшим из нас. Он никогда в жизни не нарушал правил, и автобус сбил его на зелёном свете.

Он поднял голову. Лицо у него было мокрое, и он не вытирал его.

– Я не знал, понимаешь? Я правда не знал. Просто в голове осталась дыра и ощущение, будто я кому-то что-то должен. Я пил тридцать лет подряд, чтобы эту дыру заполнить, и ни разу не спросил себя почему. Потому что боялся ответа.

Эмрик опустился рядом с ним на корточки. Нужные слова не находились, и он просто положил руку ему на плечо, как когда-то клал руку на плечо Тессе, когда ей снились страшные сны.

– Хьюго был связан со мной, – продолжал Дамек уже тише. – Он тянул меня, когда я падал. Давал деньги, забирал из полицейских камер, говорил жене, что я исправлюсь. Самая крепкая связь, которую можно придумать. Они выбрали идеально. Я бы и сам выбрал его, если бы они спросили.

– Ты не мог знать.

– Мог. Если бы захотел. – Он встал, держась за стену. – Слушай. Я не люблю героев и не собираюсь им становиться.

Но у меня есть к тебе предложение. Если ты полезешь в их контору, а ты полезешь, потому что иначе не можешь, то я пойду с тобой. Не ради тебя. Ради Хьюго. Он мёртв тридцать лет, и никто не заступился за него, даже я.

– Когда?

– Когда стемнеет. – Дамек убрал фляжку в карман. – И, Эмрик. Не бери ничего с собой, что тебе дорого. Там всё, что дорого, они умеют забирать.

Глава 7. Окно доставки

Внутренний циркуляр курьерской службы. Напоминаем, что вручение уведомлений в состоянии опьянения, на велосипеде без звонка или без улыбки не допускается. Нарушители будут лишены права на обеденный перерыв.

Они вышли из здания "Северной взаимной" около четырёх. Небо над Норфенном низко висело, как мокрая простыня, и в воздухе пахло железом. Дамек пошёл к машине, ворча, что хочет поспать пару часов перед ночью, а Эмрик остановился на ступенях, потому что на другой стороне улицы стоял велосипед.

Обычный городской велосипед, чёрный, с корзиной. Рядом с ним стоял молодой человек лет двадцати двух, в сером плаще, с кремовой кожаной сумкой через плечо. Лицо приятное, гладкое, из тех, что забываются через секунду после того, как отвернёшься. Он стоял и смотрел на часы, терпеливо, как смотрят на расписание поездов.

Эмрик почувствовал, как внутри что-то переключилось. Он не думал. Он просто сделал шаг, потом второй. Молодой человек поднял голову, улыбнулся ему издалека вежливо, почти дружески, и поехал.

Они двигались по городу почти час. Эмрик шёл пешком, срезал через дворы, ловил такси, терял курьера из виду и находил снова, по кремовому пятну сумки и по ровному, нето-

ропливому темпу педалей. Тот ехал без спешки, соблюдая все правила, останавливался на красный, пропускал пешеходов. Выглядел он как самый безобидный человек на свете.

На рынке у реки он слез с велосипеда и повёл его между рядами. Торговки хвалили капусту, мальчишка продавал воздушные шары, играл гармонист. Курьер остановился возле прилавка с картофелем, где пожилая женщина в зелёной вязаной шапке выбирала клубни и складывала их в сетку, придирчиво обнюхивая каждый.

– Госпожа Рау? – сказал курьер. – Хельда Рау?

– Да, милый. – Она подняла голову. – Вы из школы?

– Нет, госпожа. Из конторы. Мне поручено вручить вам вот это.

Он достал из сумки кремовый конверт и протянул ей обеими руками, как подают чашу. Женщина взяла его, повертела в пальцах и сунула в карман пальто вместе с чеком за картошку. Курьер поклонился и обернулся, чтобы уйти, и тут Эмрик схватил его за локоть.

– Что вы ей отдали?

– Прошу прощения, – мягко сказал молодой человек. – Вы мешаете мне работать.

– Что в конверте?

– Уведомление, господин Вэйл. Обычное. – Он смотрел спокойно, и в этом спокойствии было что-то от манекена. – У госпожи Рау закрыта связь. Окно доставки составляет одиннадцать минут. Это установлено регламентом, я не вправе

его изменять.

Эмрик не стал слушать. Он оттолкнул курьера и бросился к женщине.

– Госпожа Рау. Пойдёмте со мной. Пожалуйста. Прямо сейчас.

– Что случилось, милый?

– Вам угрожает опасность. Я объясню потом. Идёмте.

Он сам не знал, откуда взялся этот тон, властный, срывающийся, тон человека, у которого нет времени на объяснения. Хельда Рау посмотрела на него, на курьера, снова на него, и в её глазах мелькнуло то выражение, которое он видел у вдов, подписывающих бумаги. Она пошла за ним.

Он увёл её с рынка по пустому переулку, где не было ни окон, ни балконов, ни лестниц. Выбрал кафе на углу, маленькое, с низким потолком и без стеклянных витрин. Усадил за дальний столик у стены, подальше от плиты, подальше от дверей, подальше от всего, что могло упасть, воспламениться или сломаться. Заказал ей воды, потому что чай мог обжечь. Достал телефон и вызвал скорую.

– Мужчина, вы меня пугаете, – сказала Хельда, но не встала. – Что со мной? Что в этом письме?

– Ничего. Вы просто посидите. Сейчас приедут врачи.

– Я здорова как лошадь. Мне пятьдесят восемь, я тридцать лет варю суп для детей и ни разу не болела.

Он смотрел на часы. Прошло три минуты. Хельда, не зная, куда деть руки, начала рассказывать о школьной столовой. О

том, как дети путают гороховый суп с гороховым пюре и как она каждый год на выпускном делает торт в форме книги. Её голос был тёплым, хрипловатым, домашним, и Эмрик поймал себя на том, что слушает, как слушают колыбельную.

Скорая приехала на шестой минуте. Два фельдшера, парень и девушка, вошли быстро, деловито. Измерили давление, послушали сердце, посветили в глаза. Всё в порядке. Давление чуть повышенное, но нормальное для её возраста. Сердце ровное. Девушка-фельдшер посмотрела на Эмрика с лёгким раздражением человека, которого вызвали зря.

– Может, ей просто нужно поесть, – сказала она. – Вы уверены, что был приступ?

– Нет, – хрипло ответил Эмрик. – Простите.

Восьмая минута. Хельда рассмеялась. Она сказала, что давно не чувствовала себя такой важной, что вокруг неё хлопочут сразу трое мужчин, считая и этого, в плаще, и если бы муж видел, он бы подумал, что она завела роман. Фельдшер-парень улыбнулся. Эмрик не улыбался.

Девятая минута. Десятая. Он считал секунды вслух, шёпотом, одними губами.

На одиннадцатой Хельда вдруг замолчала. Посреди слова, посреди своей истории про торт. Лицо её не исказилось, не побледнело, только стало удивлённым, как у человека, который вспомнил, что оставил дома выключенный чайник. Она подняла руку к виску и сказала:

– Ой.

Потом она начала заваливаться набок.

Фельдшеры бросились к ней, и началось то, что Эмрик видел много раз и каждый раз находил невыносимым. Быстрые движения, бессмысленные слова, холод стали, трубки, команды, которые отдают, когда уже ясно, что ничего не поможет. Эмрик опустился на колени рядом. Он держал её за руку, потому что это было единственное, что он мог сделать.

– Милый, – прошептала она. Глаза её были широко раскрыты, и в них не было страха, только растерянная нежность. – Я ведь картошку купила. Надо поставить. Сегодня обед.

– Поставлю, – сказал он. Голос ломался. – Обязательно поставлю.

– Вы славный. – Она улыбнулась. – Я бы вам супа налила.

Рука в его ладони обмякла.

Фельдшеры работали ещё пятнадцать минут. Эмрик сидел на полу кафе, не отпуская руку мёртвой женщины, и смотрел, как за стеклянной дверью, которую он не заметил, стоит курьер и смотрит на него с выражением вежливого сочувствия.

Он вышел на улицу. Не помнил, как открыл дверь. Курьер ждал у велосипеда, сложив руки на руле.

– Примите мои соболезнования, – сказал он. – Для нас это тоже непросто.

Эмрик схватил его за плащ и вдавил в стену. Он не помнил, как это сделал. Кулак шёл сам, и он ударил, один раз, в скулу, до хруста. Курьер отшатнулся, но не упал, не закри-

чал. Вытер кровь тыльной стороной ладони, посмотрел на неё с лёгким любопытством и улыбнулся.

– Вы можете меня ударить, господин Вэйл. Вы можете ударить меня ещё. Это ничего не изменит. Связь закрыта.

– Она не знала, – прохрипел Эмрик. – Она не знала, что кто-то продал за неё...

– Она не знала, – согласился курьер. – Но тот, кто продаёт, обычно и сам не знает, кому достанется. Так что система, если подумать, даже честная — тут никто никого не выбирает.

– Вы выбираете.

– Нет. – Молодой человек достал из сумки визитку и вложил её в карман пальто Эмрика, легко, как кладут цветок. – Если у вас есть претензии, обращайтесь в отдел сопровождения. Мы всегда рады обратной связи.

Он сел на велосипед и поехал, мерно, ровно, без спешки. Эмрик стоял посреди улицы, и с неба снова пошёл дождь, мелкий, настойчивый, смывающий с его пальцев чужую кровь. Он поднял голову, и ему показалось, что в окне второго этажа напротив стоит высокий серый силуэт и смотрит вниз.

Когда он моргнул, окно было пустым.

Глава 8. Ночная смена

Внутренний циркуляр отдела кадров. В связи с увеличением числа жалоб на ночные шумы просим сотрудников не умирать после девяти вечера без предварительного уведомления соседей.

Ивара ждала их на углу Каменных Мостов в половине первого ночи. Она сидела на бордюре, свесив ноги на мостовую, и жевала яблоко. Рядом, прислонённый к фонарю, стоял тощий рюкзак.

– Опоздали, – сказала она. – Я бы за это время успела умереть дважды. Не получилось бы, но всё равно неприятно.

– Я не просил тебя приходить, – ответил Эмрик.

– Не просил. Но я решила. Вы же полезете в место, где хранятся такие, как я. Мне интересно посмотреть, как выглядит моя посылка.

Дамек, дышавший тяжело и пахнувший вишнёвой настойкой, посмотрел на неё с подозрением.

– У тебя есть ключ?

Ивара достала из кармана связку из двух маленьких металлических штучек и повертела ими в воздухе.

– Нивен выходила в туалет, помните? Я постояла у её стола. Пока она мыла руки, я сняла копию с запасного ключа на кусочке пластилина. Дома выточила напильником. Получилось кривовато, но работает. Я проверяла утром, пока вы

курили на своём балконе.

– Ты следила за нами?

– Я диспетчер скорой помощи, мальчики. Я отслеживаю, где людям плохо. Вы оба последние дни выглядите так, будто вам очень плохо.

Дамек хмыкнул. Что-то в его лице смягчилось. Эмрик подумал, что это первый раз за неделю, когда он видит старика почти довольным.

Дверь девятого дома поддалась со второй попытки. Замок щёлкнул тихо, почти ласково. Они проскользнули внутрь и замерли в темноте приёмной. Пахло лавандой и воском. Аквариум светился тусклым зелёным светом, и золотая рыба неподвижно висела в воде, как мысль, которую забыли додумать.

– Кабинет Брайда на втором этаже, – прошептала Ивара. – Но то, что нам нужно, не там.

– А где?

– В подвале. Я видела, как Нивен ходила туда с чайным подносом. Один раз. И вернулась без него.

Они нашли дверь за деревянной панелью в коридоре, там, где обои чуть отходили от стены. Панель отодвигалась легко, на хорошо смазанных петлях. За ней открывалась узкая лестница вниз. Ступени были чисто выметены, перила натёрты воском. Ни паутины, ни сырости, ни крыс. Подвал содержался лучше, чем жилые комнаты.

Эмрик шёл первым. Каждая ступенька отзывалась в нём

тихим эхом, как будто он спускался в собственную память. Внизу они оказались в длинном коридоре, потолок которого терялся в полумраке. По обе стороны тянулись шкафы. Не архивные, не стальные, а старые, деревянные, тёмного дуба, с медными ручками и маленькими латунными табличками. Они стояли ряд за рядом, уходя в глубину, и в воздухе стоял ровный низкий гул, похожий на дыхание.

– Это как библиотека, – прошептала Ивара.

– Какая, к чёрту, библиотека, – глухо сказал Дамек. – Кладбище. Только тут все пока живые.

Таблички были подписаны буквами. А, Б, В. Эмрик тронул один из ящиков, и тот выехал сам, бесшумно, тяжело. Внутри лежали папки. Тонкие, толстые, перевязанные лентой, сшитые нитками. На корешках стояли имена.

Дамек прошёл вдоль шкафов, чуть сутулясь, ведя пальцем по табличкам. Остановился у буквы "Р". Выдвинул ящик, перебрал несколько папок, достал одну. Руун, Дамек. Папка была пухлая и странно тяжёлая. Он открыл её и прочёл первую страницу. Лицо его не изменилось. Только плечи у него обмякли, будто он тридцать лет держался из последних сил и наконец выдохнул.

– Тридцать лет, – сказал он глухо. – Тридцать лет я искал эту бумагу в пустой комнате. А она лежала здесь.

– Что там?

– Моя подпись. Мой почерк. – Он провёл пальцем по строке. – И внизу приписка. Я написал "Прошу простить". Своей

рукой. Я знал, на кого ложится, Эмрик. Я знал. Мне объяснили, и я попросил прощения у человека, которого собирался убить, и подписал.

Он сел на пол прямо в проходе, с папкой на коленях. Не плакал. Просто сидел и смотрел на страницу так, как смотрят в лицо человеку после долгой разлуки.

Ивара подошла к ним, потом отошла. Она медленно двигалась вдоль букв, и Эмрик видел, как она остановилась у "К" и стояла несколько минут, глядя на табличку. Потом положила на неё ладонь, не открывая ящик.

– Ты можешь посмотреть, – тихо сказал он.

– Нет. – Она не обернулась. – Я же говорила. Не хочу. Пусть лежит.

– Ивара.

– Пока я не знаю, я могу его любить. Понимаешь? Просто любить, как раньше. – Она убрала руку. – Это единственное, что у меня осталось неотравленным.

Она отошла к стене и села, обхватив колени. Эмрик не стал настаивать.

Он дошёл до буквы "В" в самом конце ряда и остановился. Табличка блестела, и на ней стояло только одно слово. Он не помнил, когда дыхание стало таким поверхностным. Ящик выдвинулся сам, как будто ждал.

Внутри лежала только одна папка. Не тонкая и не толстая, средняя, перевязанная чёрной лентой. На корешке чёрными чернилами значилось "Вэйл, Эмрик". Ниже, мелким акку-

ратным шрифтом, "Связанное лицо: Вэйл, Тесса".

Он сжал край шкафа. Колени подгибались, и он вцепился в дерево так, что побелели пальцы. Всё внутри кричало, чтобы он закрыл ящик, задвинул, ушёл, вышел на улицу и никогда больше не возвращался. Что-то более древнее, чем любопытство, более сильное, чем страх, подсказывало ему, что если он сейчас не откроет эту папку, то не откроет уже ничего и никогда.

Он снял с неё ленту. Чёрная лента упала на пол и лежала там, как перерезанная вена. Эмрик Вэйл, следователь страховой компании, четырнадцать лет читавший чужие смерти, взялся за обложку и открыл свою собственную.

Глава 9. Экземпляр продавца

Внутренний циркуляр отдела сопровождения. Напоминаем, что договор передачи остаточного риска составляется простым и доступным языком. Если клиент не понял договор, это не повод считать договор недействительным.

Первая страница была совершенно обычной. Это и оказалось самым страшным. Плотная кремовая бумага, тиснёный герб из двух переплетённых букв, чёрный машинописный текст с ровными полями. Такими бланками пользуются нотариусы, когда оформляют продажу квартиры или раздел наследства.

"Договор передачи остаточного риска № 4471. Настоящий договор заключён в марте. Продавец: Вэйл Эмрик. Связанное лицо определяется Перестраховщиком в соответствии с пунктом 4. Предмет договора: передача остаточного риска продавца в полном объёме с сохранением всех процентов, накопленных на дату передачи".

Он читал медленно, слово за словом, так, как читают чужие показания. Пункт 4 объяснял, что связанное лицо назначается по наибольшему весу связи, и приводил формулу, в которой участвовали годы знакомства, степень зависимости и "эмоциональный вклад". Пункт 5 перечислял гарантии. Пункт 6 определял срок исполнения: "не позднее восьмидесяти четырёх часов с момента подписания". Пункт 7 был

озаглавлен "Удержание памяти".

"Продавец, добровольно и в здравом уме подписавший настоящий договор, подтверждает, что не желает сохранять воспоминания о заключении сделки. Удержание памяти производится в момент закрытия связи и распространяется на обстоятельства сделки, личность Перестраховщика и содержание настоящего документа. Воспоминания, не относящиеся к сделке, не затрагиваются. Продавец сохраняет право на ознакомление с текстом договора в любой момент по собственному желанию. По письменному заявлению продавца удержание памяти не производится, при этом размер премии увеличивается вдвое".

– По собственному желанию, – прошептал Эмрик. – Блядь. Они даже тут оставили лазейку.

Он перевернул страницу. На ней, внизу, стояла подпись. Его подпись, с закрученным хвостиком у "Э", которую он выработал в двадцать лет и не менял никогда. Рядом, чуть левее, на полях, шла строка, написанная от руки. Тем же почерком, только мельче, торопливее, как пишут, когда рука дрожит. Он поднёс страницу к свету.

"Пусть будет кто-то чужой".

Что-то внутри лопнуло.

Это не было воспоминанием в привычном смысле. Это было падением. Как будто пол под ногами исчез, и он полетел вниз, сквозь четыре года, сквозь запертую дверь, сквозь пустоту, в ту комнату, где всё началось.

Он сидит в кресле. Мягкое, обитое тёмно-зелёной кожей, подходит по росту. На столе чашка чая с сахаром, который он терпеть не может, но не отказал, потому что хозяин кабинета смотрит так участливо. Горит зелёная лампа. На подоконнике фиалки. Хоссен Брайд сидит напротив, и голос у него такой тёплый, что хочется положить голову ему на плечо и зарыдать.

– Вы умрёте в течение трёх месяцев, господин Вэйл. Я не буду вас обманывать. Мы навели справки. Опухоль неоперабельна. Это не приговор, это арифметика.

– А если...

– Есть способ. Законный и безболезненный. Мы можем передать ваш остаточный риск другому лицу.

– Какому?

– Этого я сказать не могу. Могу только описать круг. Те, с кем вас связывают узы. Жена, родители, друзья, коллеги, соседи. Связь определяется весом. Я не выбираю, господин Вэйл. Система выбирает.

Он молчит долго. Пальцы сжимают ручку. Он видит перед собой лицо Тессы, ей девять, у неё беззубая улыбка, она показывает ему рисунок, и он говорит, что это самый красивый дом на свете. Он видит Лирену на кухне. Он видит их обеих и пишет на полях, дрожащей рукой, торопливо, чтобы не передумать.

"Пусть будет кто-то чужой".

– Господин Вэйл, – мягко говорит Брайд, глядя на строч-

ку. – Вы понимаете, что чужих не бывает?

– Что?

– Чужой не может нести вашу смерть. Связь невозможна без вложения. Это не прихоть, это физика. Есть только те, о ком вы ещё не знаете, что они вам дороги. – Он смотрит печально, почти с нежностью. – Я хочу, чтобы вы подписали, понимая это.

И Эмрик подписывает.

Он подписал, зная. Это пришло не сразу, а уже потом, когда видение схлынуло, как отлив, оставив на берегу сознания единственную голую мысль. Он знал, что чужих не бывает. Он слышал это от человека в сером костюме, смотрел ему в глаза и подписал, потому что хотел жить, а правду предпочёл выдать за надежду.

Он стоял на коленях в проходе между шкафами. Папка лежала на полу, раскрытая. Чьи-то руки держали его за плечи, и Ивара говорила что-то, кажется, повторяла его имя. Он поднял голову. Лицо у него было мокрое, и он не помнил, когда начал кричать.

– Эмрик. Эмрик. Дышите со мной. Вдох. Слышите? Вдох.

– Я знал, – сказал он. – Я всё знал. Я просто... я забыл.

На последней странице, под подписью, в самом низу, появилась строка. Чернила проступали на бумаге сами, медленно, будто чья-то невидимая рука выводила буквы. "Ознакомлен. Дата ознакомления. Льготный период начат. Срок: сорок суток". Ниже мелким шрифтом стояла сегодняшняя

дата, а ещё ниже, совсем крошечными цифрами, обратный отсчёт. Тридцать девять суток и двадцать три часа. Цифра на глазах менялась.

Позади раздался тихий звук. Кто-то спускался по лестнице. Шаги были неспешные, ровные, шаги человека, который не торопится, потому что знает: все давно на своих местах.

Хоссен Брайд остановился у входа в проход. Он был в домашнем халате цвета тёмной сливы, с чашкой в руках. За его плечом маячила Нивен в накинутом пальто, с подносом, на котором стояли ещё три чашки. Они выглядели не как ночные налётчики, а как хозяева, встречающие гостей, которые слегка запоздали.

– Добрый вечер, – сказал Брайд. – Вернее, доброе утро. Простите, что мы не встретили вас как положено. Мне доложили о гостях только сейчас.

– Вы знали, – хрипло произнёс Эмрик.

– Знал, что вы придёте? Конечно. Это было лишь вопросом времени. Люди всегда возвращаются за своими бумагами. – Он улыбнулся Эмрику, потом перевёл взгляд на Дамека, который сидел на полу, сжимая в руках папку. – Дамек. Ваш льготный период начался час назад, но восстанавливать уже некого. Статья двенадцать, пункт три, пять лет со дня закрытия связи. Они истекли двадцать пять лет назад. Вы тогда, при подписании, спросили, нельзя ли иначе. Я ответил то же, что отвечаю сейчас.

Дамек молчал, но желваки на его щеках ходили ходуном.

Брайд повернулся к Иваре.

– Госпожа Кесс. Ваша связь в обработке. Я лично слежу за этим. Приношу извинения за задержку. Надеюсь, мы закроем её в ближайшее время.

Ивара ничего не ответила. Она встала, медленно, очень прямо, и положила руку на плечо Эмрика, как будто собиралась использовать его как опору. Он почувствовал, что она дрожит.

– Вы можете забрать папку, – продолжал Брайд. – Это ваш экземпляр, господин Вэйл. Он принадлежит вам по праву. И я хочу, чтобы вы знали, что мы действуем строго в рамках закона. Вы вправе расторгнуть договор. Пункт 12. Прочтите внимательно. Период составляет сорок суток с момента ознакомления, и вы только что его начали.

– Расторгнуть, – повторил Эмрик.

– Именно так. Если вы решите, что сделка была ошибкой, мы вернём всё как было. Я не хочу, чтобы вы думали, будто мы чудовища. Мы честная организация. – Брайд сделал глоток чая, не сводя с него глаз. – Просто иногда люди приходят к нам в слабый момент. А потом им нужно время, чтобы понять, чего они на самом деле хотели.

Он кивнул Нивен. Та поставила поднос на пол и отступила. Брайд повернулся и пошёл обратно к лестнице, а у самого поворота обернулся.

– Берегите себя, господин Вэйл. Сорок суток это очень мало. Но иногда этого хватает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.